

И. В. Рудин, А. В. Кормилицин, Н. А. Кочурина

ОЦЕНКА СОГЛАСОВАННОСТИ БИОЛОГИЧЕСКИХ И СОЦИАЛЬНО ОБУСЛОВЛЕННЫХ КРИТЕРИЕВ ВЫБОРА ДОЛГОВРЕМЕННОГО ПАРТНЕРА СТУДЕНТКАМИ МЛАДШИХ КУРСОВ УНИВЕРСИТЕТА И КОЛЛЕДЖА

Оцениваются биологические и социально обусловленные компоненты выбора партнера в представлениях студенток младших курсов университета и колледжа о долгосрочных партнерских отношениях. Выявлено выраженное противоречие между биологическими и социально обусловленными компонентами. Испытуемые считают более привлекательным для долгосрочных партнерских отношений маскулинного мужчину, при этом от него ожидается поведение в партнерстве, нехарактерное для маскулинных мужчин, а именно: больший по сравнению с партнершей вклад в воспитание детей, выполнение психотерапевтической функции в партнерстве и снижение социальной активности.

Ключевые слова: *долгосрочные партнерские отношения, маскулинность, фемининность, биологический, социально обусловленный, поведенческий паттерн.*

Человек – существо, у которого социум является одним из компонентов окружающей среды, в процессе своего развития как вида эволюционировал не только биологически, но и социально [1–3]. Партнерство, являясь формой социального существования человека, опираясь на базисную цель биологической эволюции – передачу генов в ряду поколений, может определять или модифицировать успешность задач эволюции биологической [4]. Способы партнерского сосуществования мужчины и женщины также претерпевают изменения в процессе развития социума. Эти способы избираются в зависимости от многих причин – культура, общественный строй, экологическая ситуация и т. п. [5, 6]. Социализация биологической функции продолжения рода – форма повышения адаптивности [7], поскольку ребенок, имеющий двух родителей, с большей вероятностью и с большим уровнем здоровья воспроизведет своих потомков [8–10].

Выбор партнера для долгосрочных отношений и продолжения рода определяется представлениями в отношении привлекательных качеств партнера. Согласованность биологических и социально обусловленных критериев выбора, сформированных на базе представлений о долгосрочном партнерстве, есть важный и актуальный вопрос, поскольку известно, что маскулинные мужчины, имеющие качественный геном (и являющиеся приоритетом для выбора в качестве партнера с биологической позиции), не склонны к инвестициям в потомство. С другой стороны, немаскулинные мужчины склонны к инвестициям в потомство, но они с биологической позиции менее предпочтительны в смысле качества генома [11, 12].

Выбор женщиной фертильного возраста партнера для постоянных отношений есть задача амбивалентная. С одной стороны, женщина должна обеспечить потомкам качественный геном, с дру-

гой – обеспечить потомству длительную заботу, а также стабильность материального и социального положения. В этой ситуации актуальным являются вопросы, какими критериями руководствуется женщина при выборе долгосрочного партнера и как решается задача выбора. Представляет интерес, каким образом может отразиться социальный статус женщины фертильного возраста на обозначенных критериях выбора.

Гипотезой исследования стало предположение о том, что в представлениях студенток младших курсов университета и колледжа о долгосрочных партнерских отношениях и требованиях к долгосрочному партнеру имеется рассогласование между биологическими и социально обусловленными критериями.

В исследовании приняли участие 200 девушек, на момент исследования обучающихся на младших курсах университетов, а также в колледже, в возрасте 18–20 лет. Выборка была осуществлена целенаправленно. Возраст испытуемых обусловлен принадлежностью к высокопродуктивному фертильному периоду [13, 14]. Как известно, социальный статус женщины фертильного возраста значим при восприятии ею гендерных ролей [15]. Испытуемые принимали участие на добровольной основе, подписав информированное согласие перед прохождением психодиагностических процедур.

Для группировки данных была разработана анкета, в которую заносились сведения об образовании, стремлении к созданию собственной семьи и рождению ребенка на данном этапе жизни и прочее, что позволило категоризировать полученные результаты для последующего анализа. Для регистрации фазы месячного цикла участниц исследования использовался расчетный метод по анкетным данным, однако значимых результатов с при-

менением обозначенной переменной обнаружено не было [16], поэтому в дальнейшей работе фаза цикла испытуемых не учитывалась.

Предпочтения признаков маскулинности и фемининности при выборе долговременного партнера определяли с помощью предъявления изображений мужских лиц с преобладающими чертами высокого и низкого уровня тестостерона (маскулинные и фемининные соответственно). Изображения, предъявляемые испытуемым, разработаны и введены в практику психологического исследования L. DeBruine с соавт. [17, 18].

Для оценки как биологически, так и социально детерминированных критериев выбора партнера для долговременных отношений использовали методику С. Бэм [19, с. 277–280].

В целях определения последствий взаимодействия биологических и социально обусловленных критериев выбора (раздражительность, чувство вины, негативизм и др.) использовали опросник «Диагностика состояния агрессии» Басса – Дарки [20, с. 80–84].

Для определения своей роли и роли партнера в длительных партнерских отношениях использовали метод «Определение согласованности семейных ценностей и ролевых установок в супружеской паре» А. Н. Волковой [21, 22; 23, с. 336–344]. Для выявления доминирующих жизненных ценностей и характеристики внутреннего конфликта применили метод «Уровень соотношения „ценности“ и „доступности“» Е. Б. Фанталовой [24].

Данные обрабатывались в программе Statistica v. 8. Результаты, представленные в работе, выражены в виде медианы и нижнего и верхнего квартилей. Для выявления взаимосвязей между показателями изучаемых параметров рассчитывался коэффициент ранговой корреляции по Спирмену, уровень значимости всех представленных в работе взаимосвязей $p < 0,05$. В целях обнаружения значимых различий использовался критерий Манна – Уитни для независимых выборок и, соответственно, парный критерий Вилкоксона для зависимых выборок.

Было обнаружено, что дети в долговременных партнерских отношениях являются желательными для большинства респонденток (98%), данный показатель одинаков как для студенток университета, так и для студенток колледжа. При анализе результатов выбора маскулинизированных и феминизированных мужских лиц в качестве потенциального партнера для долговременных отношений с перспективой рождения детей получено, что 78% респонденток с младших курсов университета делают выбор в пользу мужчин с преобладанием маскулинных признаков в фенотипе, отражающих высокий уровень тестостерона. Студентки кол-

леджа в 70% случаев делают выбор в пользу маскулинных лиц, и лишь 30% выбирают фемининного партнера.

Анализ результатов теста С. Бэм на маскулинные и фемининные качества «идеального партнера», предпочитаемые обследуемыми в потенциальном долговременном партнере, показал, что большинство испытуемых младших курсов университета (97%) хотело бы состоять в длительных отношениях с андрогинным партнером, т. е. партнером, обладающим как маскулинными, так и фемининными фенотипическими чертами. Студентки колледжа в 100% случаев выбрали андрогинного.

Согласно результатам теста «УСЦД», преобладающей ценностью у обследованных является семья, затем следует любовь, здоровье и т. д. (табл. 1). Понятие-ценность «семья» имеет практически максимальный балл из возможных в тесте.

Таблица 1
Медианы по шкале значимости понятий-ценностей методики «УСЦД»

Позиция приоритета понятия-ценности	Понятие-ценность	Студентки младших курсов университета (n = 100). Медиана (в скобках нижний и верхний квартили)	Студентки колледжа (n = 100). Медиана (в скобках нижний и верхний квартили)
1	Семья	10 (9; 11)	8,5 (1; 10)
2	Любовь	9 (7; 10)	4 (1; 7)
3	Здоровье	7 (5; 8)	4 (1; 7)
4	Деньги	6 (4; 9)	3,5 (2; 6)
5	Уверенность	6 (4; 8)	5,5 (1; 8)
6	Свобода	5 (3; 8)	4 (1; 7)
7	Познание	4 (3; 7)	3 (1; 6)
8	Работа	3 (3; 5)	2,5 (1; 5)
9	Друзья	3 (2; 5)	5 (2; 7)
10	Активность	3 (2; 5)	2 (2; 4)
11	Творчество	2 (1; 6)	3 (1; 5)
12	Красота	1 (0; 3)	1 (0; 2)

Согласно данным анкеты, в 90% случаев испытуемые с младших курсов университета откладывают создание семьи на время достижения карьерных успехов, иначе говоря, на неопределенный срок. Готовы прямо сейчас вступить в долговременные партнерские отношения только 10%.

Студентки колледжа в 80% случаев откладывают создание семьи, и лишь 20% готовы вступить в долговременные партнерские отношения прямо «сейчас».

Результаты теста, определяющего ролевые ожидания и притязания в долговременном партнерстве, демонстрируют, что партнер, по представлению испытуемых, должен в меньшей мере прояв-

лять социальную активность, нежели сами обследованные (см. табл. 2, 3). Подобные представления характерны как для студенток младших курсов университета, так и для студенток колледжа. Предполагаемая собственная социальная активность больше по сравнению с таковой партнера (см. табл. 2, 4). В контексте опросника описанная социальная активность подразумевает маскулинное поведение, направленное на достижение высокого социального статуса, получение доступа к ресурсам. Вместе с тем, по мнению испытуемых, потенциальный партнер должен проводить времени с детьми больше, чем сами испытуемые: медиана собст-

венных притязаний по родительско-воспитательной шкале ниже, чем медиана ожиданий от партнера (см. табл. 2, 4). Хозяйственно-бытовые притязания и ожидания распределились поровну, это означает, что долговременный партнер должен, в представлениях обследованных, заниматься домашним хозяйством наравне с партнершей (см. табл. 2, 4). Результаты по эмоционально-терапевтической шкале показывают, что мужчина в представлениях испытуемых должен поддерживать положительный психологический климат в семье в большей степени, чем сами обследованные (см. табл. 2, 4).

Таблица 2

Некоторые показатели теста «Ожидания и притязания в браке»
(испытуемые с младших курсов университета, $n = 100$)

Шкала	Ожидания (медиана: в скобках нижний и верхний квартили)	Притязания (медиана: в скобках нижний и верхний квартили)	Уровень статистической значимости по Вилкоксоу (p)
Интимно-сексуальная	5 (4; 6)		Нет
Родительско-воспитательная	7 (6; 8)	6 (5; 7)	0,002*
Социальная активность	7 (6; 8)	9 (8; 9)	0,001*
Хозяйственно-бытовая	6 (6; 7)	6 (4; 7)	1
Эмоционально-терапевтическая	8 (7; 9)	7 (6; 9)	0,002*

Примечание. * – статистически значимые различия.

Таблица 3

Некоторые показатели теста «Ожидания и притязания в браке»
(сравнение испытуемых с младших курсов университета и из колледжа, $n = 200$)

Шкала	Наименование субшкалы	Медиана (нижний и верхний квартили)		Уровень статистической значимости по Манну – Уитни (p)
		Младшие курсы университета ($n = 100$)	Колледж ($n = 100$)	
Интимно-сексуальная		5 (4; 7)	5 (4; 6)	0,407
Родительско-воспитательная	Ожидания	7 (7; 8)	7 (7; 7)	0,243
	Притязания	6 (5; 7)	6,5 (5; 7)	0,745
Социальная активность	Ожидания	7 (5; 8)	7 (6; 9)	0,06
	Притязания	9 (8; 9)	9 (8; 9)	0,737
Хозяйственно-бытовая	Ожидания	6 (6; 7)	6 (6; 7)	0,527
	Притязания	6 (4; 7)	7 (5; 9)	0,006*
Эмоционально-терапевтическая	Ожидания	7 (7; 9)	9 (8; 9)	0,413
	Притязания	7,5 (7; 9)	7 (6; 9)	0,827

Примечание. * – статистически значимые различия.

Таблица 4

Некоторые показатели теста «Ожидания и притязания в браке» (испытуемые из колледжа, $n = 100$)

Шкала	Ожидания (медиана: в скобках нижний и верхний квартили)	Притязания (медиана: в скобках нижний и верхний квартили)	Уровень статистической значимости по Вилкоксоу (p)
Интимно-сексуальная	5 (4; 6)		Нет
Родительско-воспитательная	7 (7; 7)	6,5 (5; 7)	0,008*
Социальная активность	7 (6; 9)	9 (8; 9)	0,023*
Хозяйственно-бытовая	6 (6; 7)	7 (5; 9)	0,331
Эмоционально-терапевтическая	9 (8; 9)	7 (6; 9)	0,006*

Примечание. * – статистически значимые различия.

У студенток колледжа наблюдается сходная ситуация (см. табл. 4). Кроме того, сравнения независимых выборок студенток младших курсов университета и обучающихся в колледже показали, что данные группы испытуемых мало отличаются друг от друга (см. табл. 3).

Студентки колледжа имеют большие притязания по хозяйственно-бытовой шкале по сравнению со студентками младших курсов университета (табл. 5).

Таблица 5
Результаты опросника на определение уровня форм агрессии Басса – Дарки

Наименование шкалы	Медиана (нижний квартиль, верхний квартиль)		Уровень статистической значимости по Манну – Уитни (p)	Теоретический минимум шкалы, максимум шкалы
	Младшие курсы университета ($n = 100$)	Колледж ($n = 100$)		
Физическая агрессия	5 (4; 7)	5 (4; 7)	0,949	0; 10
Косвенная агрессия	5 (4; 6)	5 (5; 7)	0,134	0; 9
Раздражительность	6 (4; 7)	5 (3; 6)	0,099	0; 11
Негативизм	2 (1; 3)	2 (1; 3)	0,575	0; 5
Обида	4 (2; 5)	3 (2; 4)	0,305	0; 8
Подозрительность	4 (3; 6)	5 (3; 7)	0,113	0; 10
Вербальная агрессия	7,5 (6; 10)	8 (6; 10)	0,879	0; 13
Чувство вины	5,5 (4; 7)	4 (3; 6)	0,004*	0; 9

Испытуемые желают иметь детей в партнерстве. При этом доминирующий выбор маскулинизированных лиц показывает, что большинство студенток (как в университете, так и колледже) на роль потенциального отца своих детей предпочитают видеть мужчину с маскулинным фенотипом. Подобный выбор подтверждает, что испытуемые хотят иметь детей от партнера, способного дать генетически качественное потомство [11, 12], т.е. более здоровое и имеющее больший шанс на репродуктивный успех в будущем. Такое предпочтение у обследованных студенток является биологически адекватным для женщин, не имеющих детей [11, 12]. Согласно анкетным данным, из обследованной выборочной совокупности студенток на момент прохождения психодиагностических процедур никто не имел собственных детей.

Воспроизводство потомства обследуемые планируют в длительных партнерских отношениях (в контексте исследования – «в семье»), при этом ценность семьи является максимальной из всех изученных понятий-ценностей (см. табл. 1). Однако находясь в высокопродуктивном периоде фертильного возраста [13, 14], подавляющее большинство испытуемых откладывают создание семьи на время достижения карьерных успехов, иначе говоря, на неопределенный срок. Следовательно, при наличии генеральной мотивации к вступлению в долговременные партнерские отношения, их высокой ценности и ориентации на рождение детей в браке наблюдается нежелание создавать семью прямо сейчас.

Анализ представлений о распределении ролей в долговременных партнерских отношениях выявил ряд противоречий между биологическими и социально обусловленными установками, формирующими мотивационный компонент ролевого поведенческого паттерна. Испытуемые предполагают, что в долговременном партнерстве их собственная социальная активность (карьерный рост, обеспечение доступа к ресурсам) должна быть выше, чем у выбираемого ими маскулинного партнера. При этом маскулинному мужчине, по мнению испытуемых, в партнерстве отводится определяющая роль в воспитании детей и выполнении родительской функции. Показательно, что чем больше испытуемые младших курсов университета ожидают от партнера выполнения родительской функции, тем меньше индекс дезинтеграции по результатам теста УСЦД, отражающий уровень невротического конфликта испытуемых (коэффициент корреляции Спирмена $r = -0,25$ при $p < 0,05$). Для студенток колледжа подобной взаимосвязи не найдено. Также испытуемые видят маскулинного партнера в качестве основного источника эмоционально-терапевтической функции в семье как на младших курсах университета, так и в колледже. Однако известно, что маскулинные мужчины обладают высокой мотивацией на социальную активность [25] и не склонны к выполнению родительской функции [12, 26]. Эмоционально-терапевтическая поддержка более свойственна женскому поведенческому паттерну [27]; более того, маскулинные мужчины не склонны к выполнению этой функции в партнерстве [26]. Результаты интимно-сексуальной шкалы указывают на низкую значимость для испытуемых сексуальной активности в долговременных партнерских отношениях. Значения одинаковы как для студенток университета, так и для студенток колледжа. В то же время известно, что маскулинный мужчина в долговременных партнерских отношениях будет стремиться к большей частоте коитусов для того,

чтобы увеличить вероятность собственного отцовства [28].

Другими словами, испытуемые в одно и то же время желают иметь долговременного партнера, который в состоянии одновременно обеспечить качественный геном (будучи маскулинным) и выполнять родительскую и эмоционально-терапевтическую функции, игнорируя при этом социальную, которая является для него биологически детерминированной и естественной. Таким образом, испытуемым необходим партнер, обладающий одновременно как маскулинными, так и фемининным фенотипом.

Действительно, результаты теста С. Бэм подтверждают это предположение. Подавляющее большинство испытуемых на младших курсах, т. е. 97% (в колледже их количество 100%), формируют образ «идеального» партнера как из маскулинных, так и из фемининных качеств. Но если на уровне описательных характеристик «идеального» партнера такие манипуляции с набором качеств возможны, трудно представить, как, с точки зрения биологического компонента, возможно проявление в одном организме маскулинного и фемининного фенотипа.

Кроме того, согласно исследованиям О. А. Гаврилицы, работающая женщина в браке испытывает чувство вины [29]. В настоящей работе была обнаружена значимая ($p < 0,05$) положительная взаимосвязь по критерию Спирмена $r = 0,31$ между притязаниями на собственную социальную активность обследованных студенток и чувством вины, измеренным при помощи метода Басса – Дарки (табл. 5). У студенток колледжа подобной взаимосвязи обнаружено не было, кроме того, у них в целом более низкие показатели по чувству вины по сравне-

нию со студентками младших курсов университета (табл. 5: единственное значимое различие).

Таким образом, выявлено, что биологические и социально обусловленные критерии выбора долговременного партнера студентками младших курсов университета включены в разнонаправленные механизмы выбора [30].

Испытуемые согласно требованиям биологического эволюционного процесса выбирают маскулинного долговременного партнера с целью передачи потомкам качественного генома, однако их поведенческие программы не согласованы с результатом этого выбора. К маскулинному партнеру предъявляются требования, относящиеся к социально-психологическим критериям выбора, которые не присущи мужчинам с маскулинным фенотипом. При этом у испытуемых в ответ на такое рассогласование в установках зарождается чувство вины и повышается уровень тревожности. Кроме того, описанные противоречия характерны как для студенток университета, так и колледжа, которые относятся к разным социальным группам по профессиональному признаку, что может свидетельствовать о фундаментальном характере обнаруженных противоречий.

Чем вызвано такое смещение полоролевых представлений? Почему студентки университетов откладывают реализацию прокреационной функции, планируя вместо этого высокую социальную активность и карьерный рост? Вызвано ли это объективными причинами глобальной социальной эволюции или является результатом социальной дезадаптированности? Создаются ли при этом объективные предпосылки для нестабильности партнерства? Ответ на эти вопросы предстоит найти в последующих исследованиях.

Список литературы

1. Lovejoy C. O. Reexamining human origins in light of *ardipithecus ramidus* // Science. 2009. Vol. 326. P. 74.
2. Plotkin H. Human nature, cultural diversity and evolutionary theory // Philos. Trans. R. Soc. Lond. B. Biol. Sci. 2011. Vol. 366. P. 454–63.
3. Robinson G. E., Fernald R. D., Clayton D. F. Genes and social behavior // Science. 2008. Vol. 322. P. 896–900.
4. Aragona B. J., Wang Z. Dopamine regulation of social choice in a monogamous rodent species // Front. Behav. Neurosci. 2009. Vol. 3. P. 15.
5. DeMenocal P. B. Anthropology. Climate and human evolution // Science. 2011. Vol. 331. P. 540–2.
6. Richerson P. J., Boyd R., Henrich J. Gene-culture coevolution in the age of genomics // PNAS. 2010. Vol. 107. P. 8985–8992.
7. Bowles S. Did warfare among ancestral hunter-gatherers affect the evolution of human social behaviors? // Science. 2009. Vol. 324. P. 1293–1298.
8. Bereczkei T., Gyuris P., Weisfeld G. E. Sexual imprinting in human mate choice // Proc. Biol. Sci. 2004. Vol. 1544. P. 1129–1134.
9. Oliver W. J., Kuhns L. R., Pomeranz E. S. Family structure and child abuse // Clin. Pediatr. (Phila). 2006. Vol. 2. P. 111–8.
10. Wolchik S. A., Schenk C. E., Sandler I. N. Promoting resilience in youth from divorced families: lessons learned from experimental trials of the New Beginnings Program // J. Pers. 2009. Vol. 6. P. 1833–68.
11. Gangestad S. W., Garver-Apgar C. E., Simpson J. A., Cousins A. J. Changes in women's mate preferences across the ovulatory cycle // J. Pers. Soc. Psychol. 2007. Vol. 1. P. 151–63.
12. Gangestad S. W., Simpson J. A. The evolution of human mating: trade-offs and strategic pluralism // Behav. Brain Sci. 2000. Vol. 23. P. 573–644.
13. Billari F. C., Goisis A., Liefbroer A. C. et al. Social age deadlines for the childbearing of women and men // Hum. Reprod. 2010. Dec. 15. doi: 17.1093/humrep/deq360.

14. Reddy U. M., Ko C. W., Willinger M. Maternal age and the risk of stillbirth throughout pregnancy in the United States // *Am. J. Obstet. Gynecol.* 2006. Vol. 195. P. 764–70.
15. Минюрова С. А. Представления об отношениях полов у женщин разного социального статуса // *Вопросы психологии.* 2005. № 5. С. 57–65.
16. Adkisson E. J., Casey D. P., Beck D. T. et al. Central, peripheral and resistance arterial reactivity: fluctuates during the phases of the menstrual cycle // *Exp. Biol. Med. (Maywood).* 2010. Vol. 1. P. 111–118.
17. DeBruine L. M., Jones B. C., Little A. C. et al. Correlated preferences for facial masculinity and ideal or actual partner's masculinity // *Proc. R. Soc. B.* 2006. Vol. 273. P. 1355–1360.
18. Tiddeman B. P., Perrett D. I., Burt D. M. Prototyping and transforming facial textures for perception research // *IEEE Comput. Graphics Appl. Res.* 2001. Vol. 21. P. 42–50.
19. Клецина И. С. Практикум по гендерной психологии. СПб.: Питер, 2003. 479 с.
20. Дерманов И. Б. Диагностика эмоционально-нравственного развития. СПб.: Речь, 2002. 176 с.
21. Волкова А. Н. Методические приемы диагностики супружеских затруднений // *Вопросы психологии.* 1985. № 5. С. 110–116.
22. Волкова А. Н. Психологическое консультирование семейных конфликтов // *Вестн. психосоц. и корр.-реаб. работы.* 2000. № 1. С. 80–85.
23. Карелин А. Большая энциклопедия психологических тестов. М.: Эксмо, 2007. 416 с.
24. Фанталова Е. Б. Диагностика и психотерапия внутреннего конфликта. М.: Издат. дом «БАХРАХ», 2001. 128 с.
25. Verdonk P., Seesing H., de Rijk A. Doing masculinity, not doing health? A qualitative study among dutch male employees about health beliefs and workplace physical activity // *BMC Public Health.* 2010. Vol. 10. P. 712.
26. Gray P. B., Kahlenberg S. M., Barrett E. S. et al. Marriage and fatherhood are associated with lower testosterone in males // *Evol. Hum. Behav.* 2002. Vol. 23. P. 193–201.
27. Vugt M., Spisak B. R. Sex differences in the emergence of leadership during competitions within and between groups // *Psychological Science.* 2008. Vol. 19. P. 854–858.
28. Gangestad S. W., Thornhill R. Human oestrus // *Proc. Biol. Sci.* 2008. Vol. 275. P. 991–1000.
29. Гаврилица О. А. Чувство вины у работающей женщины // *Вопросы психологии.* 1998. № 4. С. 66–71.
30. Рудин И. В., Кормилицин А. В., Кочурина Н. А. Социальная и биологическая составляющая ролевых представлений о долговременных партнерских отношениях у студенток младших курсов университета // *Вестн. Томского гос. пед. ун-та (Tomsk State Pedagogical University Bulletin).* 2011. Вып. 6 (108). С. 120–123.

Рудин И. В., доктор медицинских наук, профессор.

Томский государственный педагогический университет.

Ул. Киевская, 60, Томск, Россия, 634061.

E-mail: iliawr@yahoo.com

Кормилицин А. В., аспирант.

Томский государственный педагогический университет.

Ул. Киевская, 60, Томск, Россия, 634061.

E-mail: sansan_mail1@mail.ru

Кочурина Н. А., кандидат медицинских наук, ст. преподаватель.

Сибирский государственный медицинский университет.

Московский тракт, 2, Томск, Россия, 634050.

E-mail: nikon@ngs.ru

Материал поступил в редакцию 03.02.2012.

I. V. Rudin, A. V. Kormilitsin, N. A. Kochurina

EVALUATION OF CONSISTENCY IN BIOLOGICAL AND SOCIAL DETERMINANT SELECTION CRITERIA FOR LONG-TERM PARTNER IN JUNIOR UNIVERSITY STUDENTS AND SPECIALIZED SCHOOL STUDENTS

Comparative evaluation of modifications in the biological and social criteria for long-term partner selection in representations of female junior university students and specialized school students was conducted. Both groups studied revealed discrepancies between biological and social components of selection. Female considered more attractive masculine men in the context of long-term partnership. At the same time, they expected at masculine male behavioural pattern that was not distinctive for masculine males.

Key words: *long-term relationship, masculinity, femininity, biological, social-determinant, behavioural pattern.*

Rudin I. V.

Tomsk State Pedagogical University.

Ul. Kievskaya, 60, Tomsk, Russia, 634061.

E-mail: iliawr@yahoo.com

Kormilitsin A. V.

Tomsk State Pedagogical University.

Ul. Kievskaya, 60, Tomsk, Russia, 634061.

E-mail: sansan_mail1@mail.ru

Kochurina N. A.

Siberian State Medical University.

Moskovskij trakt, 2, Tomsk, Russia, 634050.

E-mail: nikon@ngs.ru